

Поздняя весна в Цзяннани была наполнена воздухом, пропитанным влажным запахом тополиного пуха, липким и свежим ароматом пробивающейся зелени.

Академия Цинъюнь расположилась на склоне горы. Синие кирпичи, черепичные крыши, загнутые углы карнизов — всё это, окруженное плотными зарослями деревьев, внушало такой трепет, что захватывало дух. Две мощные, узловатые старые сосны у ворот, казалось, прожили не одну сотню лет и теперь молчаливо взирали на каждого входящего ученика.

— Молодой господин, смотрите под ноги, — старый слуга Линь Фу, присланный из поместья Гогун, осторожно поддерживал своего юного хозяина, пока они поднимались по ступеням из синего камня, отполированным до блеска тысячами подошв.

Следом за ними четверо крепких слуг с кряхтением несли два огромных красных сундука, обитых золотом. Внутри было всё самое необходимое для Линь Яня: шелка, атласы, нефритовые безделушки, всевозможные сладости и даже две изящные латунные грелки для рук.

Сам Линь Янь шел налегке. На нем был совершенно новый халат с узкими рукавами из ярко-синего парчового шелка, который подчеркивал его свежее лицо с яркими губами. Нефритовая подвеска на поясе тихонько позвякивала в такт шагам. Он жевал недоеденное розовое пирожное, а его живые глаза с любопытством блуждали по сторонам. Горный ветер трепал непослушные пряди волос у висков, лаская гладкий лоб.

— Дядюшка Фу, здесь не слишком тихо? — Линь Янь проглотил последний кусочек теста, чмокнул губами и с недовольством пробормотал: — Даже птиц не слышно, тоска смертная. Совсем не то, что у нас в поместье.

Линь Фу лишь выдавил из себя улыбку, тяжело вздыхая про себя. Ох уж этот маленький предок! Это же прославленная на всю Поднебесную Академия Цинъюнь! Сколько ученых мужей готовы голову сложить, лишь бы попасть сюда, а ему, видите ли, скучно.

Провожатый, управляющий Чэнь, поджарый мужчина лет сорока с лицом, напоминающим крышку гроба, даже не посмотрел на вызывающую процессию. Он молча шел впереди, держа в руках тяжелую деревянную табличку с выжженными тушью иероглифами: Корпус Чжу.

— Молодой господин Линь, — управляющий Чэнь остановился перед уединенным двориком. Его голос звучал монотонно и холодно: — Это ваше жилье, корпус Чжу. В академии строгие правила: подъем по утреннему колоколу в пять утра, начало занятий в семь. Опоздания и прогулы без причины запрещены. Запрещено шуметь, посещать увеселительные заведения, хранить спиртное, запрещено...

У Линь Яня голова пошла кругом, и он поспешно замахал руками, прерывая его:

— Знаю, знаю, управляющий Чэнь, правила я усвоил! — на его лице появилась привычная,

приторно-сладкая улыбка. — Не волнуйтесь, отец наказал мне учиться здесь прилежно!

Управляющий Чэнь лишь хмыкнул, явно не приняв слова на веру. Он толкнул приоткрытую деревянную дверь с облупившейся краской и отступил в сторону:

— Проходите. Ваш сосед, молодой господин Се Сяо, уже внутри.

Се Сяо!

Это имя кольнуло Линь Яня, словно тонкая игла. Его дежурная улыбка мгновенно исчезла, а сердце пропустило удар. Вот он! Тот самый человек, от которого зависит жизнь всей его семьи! Тот самый хладнокровный и безжалостный будущий главный министр из книги, который сотрет их род Линь в порошок!

Линь Янь глубоко вздохнул, пытаясь подавить бурю эмоций, в которой смешались страх и непонятное возбуждение. Он выпятил грудь, изо всех сил стараясь выглядеть серьезным, и перешагнул порог.

Комната была небольшой, обстановка — почти нищенской. Кровать, стол, стул, книжная полка у стены. С другой стороны — точно такой же комплект для соседа. Окно было распахнуто, и весенний ветерок приносил запах трав, колыша старую синюю занавеску.

Взгляд Линь Яня тут же приковал человек, стоявший у окна.

Он стоял спиной к двери. Высокий, стройный, одетый в выцветший хлопковый халат цвета индиго, он выглядел как простой бедный студент. Но в этой осанке чувствовалась твердость бамбука, растущего на краю утеса. Послеполуденное солнце падало косо, очерчивая золотистым контуром его широкие плечи и узкую талию. Он слегка наклонил голову, поднял левую руку, а правой водил в воздухе, словно читал невидимые письма.

Линь Янь моргнул, сомневаясь в увиденном. Над запястьем? Там же пусто!

В этот момент, услышав шум у двери, незнакомец замер. Он медленно обернулся.

Время словно остановилось.

Солнечный свет упал на его лицо. Оно было невероятно молодым и поразительно красивым. Холодная белизна кожи, высокий нос, четкая линия тонких губ, волевой подбородок. Но больше всего притягивали глаза — глубокие, с радужкой цвета чистого туша, похожие на бездонные ледяные омуты. Сейчас они смотрели на вошедших с легким оттенком отстраненности человека, которого потревожили.

В голове Линь Яня гудело, будто его ударили чем-то тяжелым. Он застыл с открытым ртом, пальцы, сжимавшие пустой бумажный пакет, непроизвольно сжались, издав тихий хруст.

В книге об этом не было ни слова!

Никто не писал, что будущий главный министр настолько... настолько...

Линь Янь лихорадочно перебирал в уме слова, но в голову пришла лишь одна, до неприличия простая, но точная мысль: Черт возьми, какой же он красивый! В десять, нет, в сто раз лучше того красавца-чиновника из гарема его сестры, которого все называли вторым Пань Анем!

Ради одного такого лица стоит постараться! Я обязан с ним подружиться!

Взгляд Се Сяо спокойно скользнул по роскошно одетому юноше, по огромным сундукам и растерянным слугам. На его лице не дрогнул ни один мускул — ни удивления, ни презрения. Он смотрел на них так, словно они были легким дуновением ветра.

Он опустил руку, и странные движения в воздухе прекратились. Се Сяо сделал полшага вперед, слегка кивнул. Его голос прозвучал чисто и звонко, словно лед, ударяющийся о камни в горном ручье, с ноткой странной, не свойственной этой эпохе отчужденности:

— Я Се Сяо.

Линь Янь очнулся. Сердце продолжало бешено колотиться, отдаваясь гулом в ушах. Он инстинктивно растянул губы в самой лучезарной и дружелюбной улыбке, на которую был способен, обнажив ямочки на щеках и кончики острых клыков.

— А я Линь Янь! — его голос прозвучал звонко, с юношеским задором и ноткой гордости, словно он объявлял о чем-то великом. — Теперь мы соседи!

Не успел он договорить, как, подобно шустрой птичке, в два прыжка оказался перед Се Сяо. И, под ошеломленным взглядом Се Сяо, нахмурившегося управляющего Чэнь и изумленного Линь Фу, Линь Янь совершенно естественно и пылко протянул ему свою белую, изящную руку, на которой еще оставались крошки розового пирожного!

— Будем дружить, брат Се! — Линь Янь улыбался так, будто они были братьями, разлученными долгие годы, а не соседями, встретившимися впервые.

Се Сяо посмотрел на руку, протянутую прямо перед его носом. На мгновение он замер. В глубине его темных глаз промелькнуло едва заметное волнение, словно от брошенного в пруд камешка. Рукопожатие? Этот жест... между незнакомыми мужчинами в эту эпоху? Да еще и от представителя знатного рода?

Это было немыслимо и крайне неуместно.

Однако, пока он колебался, Линь Янь уже решительно и горячо сжал его руку!

На ощупь ладонь оказалась ледяной, с жесткими мозолями от долгого письма. Линь Янь удивился: почему у будущего министра руки холоднее, чем его лицо из холодного нефрита?

Почти инстинктивно, с детской озорной любопытностью, Линь Янь поджал пальцы и, словно котенок, быстро поскреб ногтями по прохладной ладони Се Сяо.

Просто ради шутки. Он хотел посмотреть, изменится ли что-то в этом невозмутимом выражении лица.

БУМ!

Мощная, невиданная прежде волна щекотки, подобно электрическому разряду, внезапно пронзила ладонь Се Сяо и мгновенно распространилась по всему телу. Ощущение было настолько чуждым и острым, что все его мышцы в долю секунды напряглись, словно тетива натянутого лука!

Зрачки Се Сяо сузились. На безупречном лице впервые проступила трещина. В глубине глаз отразилось редкое чувство — изумление. А на скулах, под тонкой кожей, неконтролируемо проступил легкий, но отчетливый румянец, стремительно расползающийся к ушам.

Он отдернул руку, словно обжегшись о раскаленное железо!

— Молодой господин... Линь! — голос Се Сяо остался холодным, но в нем проскользнула жесткость и... растерянность? Он отступил на полшага, впившись пронзительным взглядом в красивое лицо Линь Яня, полное невинности и любопытства. Сжав губы в тонкую линию, он отчеканил:

— Прошу, ведите себя пристойно.

Эти три слова прозвучали как ледяные глыбы в застывшем воздухе комнаты.

Линь Фу у двери ахнул и чуть не упал в обморок. Управляющий Чэнь наконец приоткрыл глаза, в которых промелькнул интерес зрителя в театре.

А Линь Янь?

Его рука так и осталась висеть в воздухе, кончики пальцев все еще хранили ощущение

холодной кожи. Он захлопал своими большими оленьими глазами, длинные ресницы дрогнули. Он посмотрел на свою пустую ладонь, а затем на соседа, чьи уши пылали огнем, а от всей фигуры веяло холодом.

Хитрая улыбка, словно рябь на воде, медленно расплзлась по губам Линь Яня.

Хе! А реакция-то есть!

Кажется, этот человек... не такой уж и страшный, как писали в книге? По крайней мере, с ним... весело.

<http://bllate.org/book/19996/1971886>